

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

(Сектор бронзы и раннего железа, 17 XII 1939)

В 1939 г. в правом ответвлении Карагалинского ущелья (Алма-Атинская обл.), близ урочища Мынг Ошакты на высоте 2300 м над ур. м., при случайных обстоятельствах, тов. Назаренко были найдены кости человека с набором золотых предметов в количестве около 300 штук.¹ Скелет был найден в расщелине скалы в сильно потревоженном² виде. Ориентировку установить было крайне трудно, хотя можно предполагать, что скелет лежал головою на СВ.

К наиболее интересным предметам, найденным в погребении, относятся: 1) длинная золотая полоса из двух кусков общей длиной 35 см, шириной 4.7 см; 2) два перстня со скульптурными изображениями двугорбых верблюдов. У одного перстня диаметр кольца 2.3 см, высота верблюда 1.4 см, длина 2.5 см, у другого диаметр кольца 1.5 см, высота верблюда 1.5 см, длина 2 см. В обоих случаях верблюды даны в лежащей позе; 3) десять скульптурных изображений горных козлов-таутеке, вероятно бляшки, размером 2×2.4 см; 4) серьга, подтреугольной формы, изображающая мышь, грызущую человека, украшенная камнями в гнездовой инкрустации; 5) бляшки, инкрустированные камнями с ободками зерни; одна, напоминающая формой распростертую фигуру птицы, размером 2.6×2.7 см, вторая крестовидная, размером 1.6×1.6 см.

Из других предметов отметим золотые пластинки, имитирующие древесный лист, размером 2.7×2 см; шаровидные, полые внутри пуговицы в виде бубенцов, диам. 1.6×1.5 см и 0.9×0.9 см; длинный стерженек, круглый в сечении с загнутыми концами, размером 10.5 см. Судя по письмам, полученным из Алма-Ата, остальные находки представляют собой повторения указанных типов и не имеют никаких украшений.

Из перечисленных объектов наибольший интерес представляет собой золотая пластинка в виде прямоугольной полосы, имеющей сверху и снизу гладкий бордюр шириной 0.4—0.5 см (рис. 2). В бордюре расположены парные дырочки для нашивания. Все внутреннее поле пластинки занято ажурным рисунком, выполненным, по всей вероятности, чеканом. Здесь в весьма витиеватом растительном орнаменте вплетены изображения зверей, птиц и человека, частью трактованных фантастически. Последовательно, слева направо представлены (см. прорисовку, рис. 2а): марал, стоя, с головою, повернутою назад, копытное животное без рогов, возможно самка марала в медленном шаге. Между этими изображениями летящая птица типа феникса. Далее, крылатый тигр, выступающий характерной кошачьей походкой с опущенным длинным хвостом; задняя левая нога отстоит далеко от крупа, передняя левая выставлена вперед. В то время как первые два животных идут по земле, тигр ступает по растениям и его лапы находятся все на разных горизонтах. На тигре сидит верхом человеческая фигура, покрытая оперением. На голове ее нетрудно распознать кочевнический головной убор типа башлыка. Человек повернут в талии, голова в профиль обращена назад. Руками он держится за ветку дерева. Перед этой композицией представлено какое-то растение в виде гриба-постаменты, на котором стоит крылатая лошадь. На этом пластинка обрывается. Вторая пластинка начинается с изображения дракона. Пасть дракона полуоткрыта, видны четко выработанные зубы. Ухо дракона прижато назад, длинная шея фигурно выгнута, туловище имеет оттянутые назад крылья, круп при-

¹ См. газ. „Казахстанская Правда“ от 27 XI 1939. Находка датировалась IV—VI вв. н. э. Вещи находятся в Центральном музее Казахстана (Алма-Ата).

² Фотографии вещей и материалы обследования присланы В. Ф. Шахматовым.

Рис. 2а. Прорисовка изображений на двадце из погребения на р. Карагалинке;

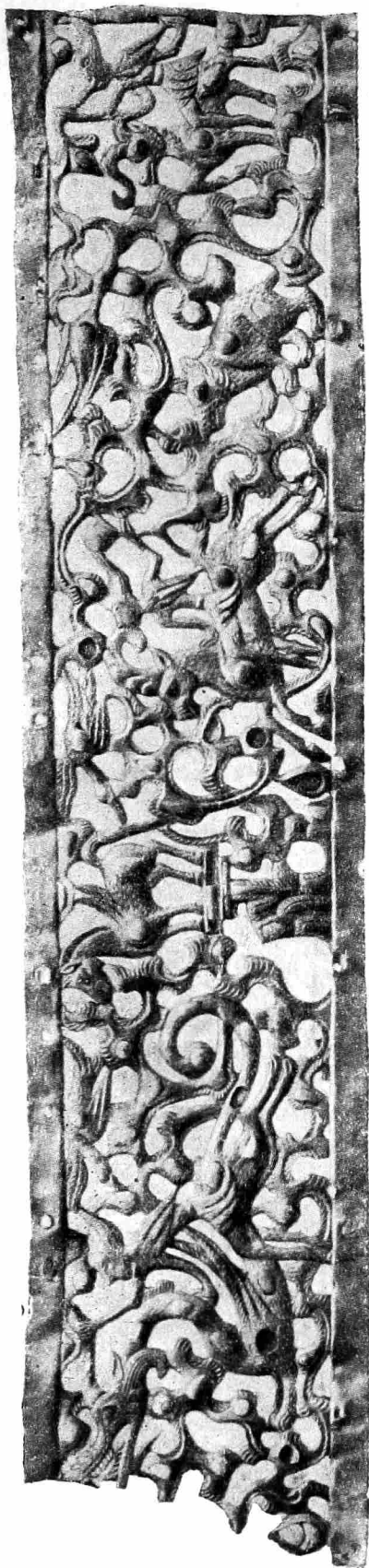

Рис. 2. Золотая диадема из погребения на р. Карагалинке.

поднят кверху. Передние лапы дракона выброшены вперед, задние вытянуты назад, длинный хвост загнут на конце. Дракон изображен в момент прыжка. Верхом на драконе изображен фантастический человек-птица, держащийся правой рукой за рог дракона. Над всадником изображена птица, которая как бы преследует его. Эта группа замыкается опять изображением крылатого коня на постаменте в виде гриба. В обоих случаях изображения коней даны очень своеобразно, морды грифоноподобные, особенно у первого, челка ровно подстрижена.

Последняя группа изображений содержит: летящую птицу, козерога в быстром беге с тем же птице-человеком верхом, держащимся правой рукой за ветку; далее, карабкающегося медведя с фигурой птицы над ним; замыкает всю группу птицеподобный всадник с цветком в правой руке, сидящий на горном баране-архаре, идущем медленной поступью. Только одна правая передняя нога архара сильно согнута в колене и поднята вперед и вверх.

Глаза животных на диадеме сделаны из светлого сердолика или альмандина. Тела животных имеют инкрустацию из бюрюзы, укрепленную на известковой массе. Между прочим скульптурные изображения верблюдов и козлов тоже инкрустированы бюрюзой.

Вся композиция на пластинке делится на три равные части, разделенные изображениями стоящих коней. Первая и третья часть по 13 см. Процессии животных первой и третьей частей направлены лицом друг к другу. Центральная часть занята изображением дракона; возможно, что она была меньше остальных двух. Предполагаемая длина всей пластины, которая была вероятно диадемой, минимум 39 см, что примерно соответствует длине диадемы из Козыревского кургана в урочище Кара-агач, Акмолинской области.¹ Все изображения диадемы покрыты отдельно разбросанными инкрустированными камнями (бирюза?) в гнездах.

Несмотря на фантастический характер ряда изображений, животные переданы реалистично, с глубоким знанием характерных черт и повадок зверя. Особенно выразительны фигуры марала, медведя, мягкая кошачья поступь тигра, стремительный бег козерога.

Диадема имеет ближайшую аналогию в одном бронзовом блюде Ханьской эпохи из знаменитой коллекции С. Т. Лоо, изданной М. Ростовцевым.² Блюдо имеет центральный медальон, вокруг которого расположены фризы с изображениями животных, частью фантастических, и птице-людей. Все это дано в характерной вязи растительного орнамента. Сравнивая эти фризы с изображениями на диадеме, нетрудно убедиться в том, что они одинаковы в сюжетном и стилистическом отношении.

Абсолютно сходна, во-первых, общая композиция процессии животных в растительной вязи, во-вторых, удивительно похожи такие изображения, как дракон, крылатые тигры, идентичные даже в трактовке шкуры, в виде полос, сделанных отдельными черточками,³ птице-люди — с той лишь разницей, что на диадеме они представлены в кочевническом уборе, в то время как на блюде волосы таких же птице-людей завязаны на китайский манер пучком на темени. Аналогии прослеживаются и в такой детали, как изображение какого-то растения с плоской горизонталь-

¹ А. Козырев. Раскопки кургана в урочище Кара-агач Акмолинского уезда. Изв. Арх. ком., вып. XVI, стр. 32.

² M. Rostovtzeff. Inlaid Bronzes of the Han Dynasty in the Collection of C. T. Loo. Paris—Bruxelles, 1927 (о датировке см. стр. 45—46; изображение блюда на табл. IV—XII).

³ Ср. такую манеру трактовки шкуры на терракотах из Хотана (C. Montell. Sven Hedin's Archaeological Collection from Khotan, ВМЕА, т. VII, Stockholm, 1936, табл. XVI, 11 и 12).

ной поверхностью. На диадеме на таких подставках стоят лошади. Возможно, что это изображение китайского гриба — символа долголетия.

По мнению М. Ростовцева блюдо из коллекции Лоо содержит в себе орнаментальные мотивы, созданные китайским мастером, воспринявшим культурные влияния эллинизма и сарматского искусства.¹ Расцвет такого искусства в Китае падает на Ханьскую эпоху. Звериный стиль этой эпохи не является результатом спонтанного развития предшествующего Джоусского искусства, а получил распространение в результате непосредственной связи Китая, особенно Северного, с гуннами. Если гунны-кочевники влияли на Китай, то и, наоборот, китайское искусство наложило свой отпечаток на искусство кочевников. Это обстоятельство достаточно часто уже отмечалось рядом исследователей в отношении Китая, напр. F. Hirth'ом,² М. Ростовцевым,³ C. Sowerby,⁴ в отношении кочевников Reinece,⁵ Minns.⁶ Особенно широко поставлена эта проблема М. Ростовцевым.⁷

Sowerby склонен выделять в китайской терратологии только изображения фениксов и цилинов, как явления чисто китайские; остальные звериные изображения он связывает с влиянием кочевников, показывая, что звериный стиль „является прямым результатом скифского влияния“.⁸

Несомненно, что в самом китайском искусстве тематика звериного стиля, особенно развившаяся в эпоху Хань, имела свои корни. Напомним, что она достаточно широко была представлена в пиктограммах Шаньского времени (1776—1122), в культуре ганьсуйских и хэнаньских памятников.⁹ Однако очевидно, что этот древнекитайский звериный стиль, отличающийся условностью и схематичностью, не может сравниваться с реалистичными изображениями Ханьской эпохи.

На прямую связь китайских звериных изображений эпохи Хань с определенным характером идеологических представлений творцов этих изображений указывает факт осмысления их и предания зверям определенного значения. Я уже не говорю о таких символах счастья и благополучия, как фениксы и цилины. Изображение барана у дерева, появившееся в китайском искусстве Ханьского времени, сопровождается надписями „счастье“, „великое благо“ и т. п., свидетельствующими о том, что оно воспринималось с определенным значением, а не как чисто орнаментальный сюжет.¹⁰

М. Rostovtzeff, ук. соч. стр. 66—67.

F. Hirth. Ueber fremde Einflüsse in der chinesischen Kunst. München—Leipzig, 1896.— Ср.: О. Münsterberg. Influences occidentales dans l'art de l'Extrême Orient. Paris, 1909, стр. 10.— Zoltan de Takacs. Huns et Chinois. Turan, 1918, 5, стр. 273—285.

² М. Ростовцев. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929.

³ C. Sowerby. Animals in Chinese Art. Journ. of the North China Branch of the Royal Asiatic Society, t. LXVIII, 1937.

⁴ P. Reinecke. Ueber einige Beziehungen der Alterthümer China's zu denen des skythisch-sibirischen Völkerkreises. Ztschr. für Ethnol., 1897.

⁵ Minns. Skythian and Greeks. Cambridge, 1913.

М. Rostovtzeff. The Animal Style in South Russia and China. Princeton Monographs in Art and Archaeology. XIV. Princeton University Press, Princeton, 1929.— Ср. напр.: С. Hentze. Les influences étrangères dans le monument de Houo K'ui-Ping. Artibus Asiae, 1925, № 1, стр. 31.

⁸ Неудачность термина „скифское влияние“ отмечал М. Ростовцев, предложивший также мало приемлемый термин „сарматское искусство“. Хотелось бы поддержать автора, скрывшего свою фамилию за инициалами Е. М. Г., предложившего в связи с работой Andersson'a о бронзе древних гуннов заменить термин „скифское искусство“ термином „древне-гуннское“. См. С. Sowerby, ук. соч., стр. 3.— М. Rostovtzeff. L'art Greco-Sarmate et l'art Chinois de l'époque des Hans. Extrait d'Arethuse, Avril, 1924.— Journ. of the North China Branch, LXVIII, 1937, стр. 69—71.— Memoirs of the Research Department of Toyo Bunko, № 4, Tokyo, 1932 (здесь специально разбирается вопрос о фениксах и цилинах).

⁹ С. Sowerby, ук. соч., стр. 3 и 7.

¹⁰ Цзянь-ши-су, т. III.

Это отступление необходимо для того, чтобы понять и обратное явление — наличие китайских мотивов в произведениях искусства среднеазиатских кочевников. Как я показал выше, изображения диадемы идентичны с изображениями на фризах бронзового блюда из коллекции Лоо. Несмотря на все сходство вплоть до технических деталей изображения диадемы носят на себе отпечаток местного колорита. Прежде всего это относится к фауне, представленной на диадеме.

М. Ростовцев, подводя итоги анализу изображений на китайских вещах Ханьской эпохи, называет следующих животных, характерных для китайского искусства: льва, тигра, медведя, обезьяну, различные типы горных козлов, свинью, собаку, лисицу, а также черепаху, лягушку, рыб, большое количество разнообразных птиц, крылатых тигров и козлов, грифонов, драконов, фениксов, а кроме того, человеческие фигуры, гномов, эльфов, полулюдей и полуживотных. В диадеме из Карагалинского ущелья мы имеем из перечисленных изображений китайского звериного пантеона крылатого тигра, дракона, медведя, фениксов (или птиц вообще?). Кроме того, здесь представлены: самец-марал, самка марала, архар и козерог (т. е. местная фауна Алтайских и Алатаусских гор), крылатые кони и в своеобразной трактовке человеческие фигуры.

Наличие марала и архара свидетельствует о местном происхождении этой вещи. Птицеподобные изображения людей, имеющих, в отличие от своих двойников на бронзовом блюде из коллекции Лоо, головные уборы типа заостренных сверху башлыков, явно указывают на кочевническое происхождение этих фантастических всадников.

Попутно хочется отметить еще явление, характеризующее „среднеазиатское“ происхождение диадемы, например инкрустации в виде рассыпанных одиночных гнездовых вкраплений камня в металл без обрамления зернью, что является типичным для позднескифского и раннесарматского искусства.¹

Такие приемы украшения известны на вещах Сибирской коллекции,² в предметах из Мельгуновского клада,³ в вещах из Келермеса⁴ и в ряде других находок VI—IV вв. до н. э.⁵ Характерная ажурность диадемы, заключенной в прямоугольное обрамление, тоже является мотивом ранне-„сарматского“ искусства, наблюдаемым в многочисленных ажурных пряжках и пластинках из золота и бронзы Ордоса,⁶ в находках в Забайкалье,⁷ в вещах Сибирской коллекции и многих других,⁸ в общем относящихся к III в. до н. э. — II в. н. э. Измельченные формы изображений, вплетенные в стилизованный растительный орнамент, более характерны, пожалуй, для второй половины указанного периода.

Особое место занимают крылатые лошади, своеобразные „пегасы“, происхождение которых, быть может, уходит корнями в ахеменидское искусство, связываясь в отдельных деталях (крылья, трактовка гривы и т. д.) с известными изображениями персепольских и сузских барельефов V—IV вв. до н. э.⁹ Однако стилистически в этих изображениях чувствуется иная, не иранская трактовка лошади. Сухая фигура коня,

Ворова. The Scythian Art, London, 1927.

Antiqua Monumenta Siberiae Tatariae. Архив ИИМК, № 6356, л. 16.

Евг. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, 31, СПб., 1911, ср. табл. V. ОАК, 1904, стр. 95—96.

И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. вып. II. СПб., 1889.

⁶ А. Салмону, ук. соч.

Г. Сосновский. Дзрестуйский могильник. ПИДО, 1—2, 1935, стр. 168 и сл.

⁸ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. II, СПб., 1889, стр. 101 (Александропольский курган); вып. III, стр. 50 и сл.

⁹ A Survey of Persian art, from Prehistoric Times to the Present. Oxford, 1938, т. IV, табл. 77—800 и 92A, 94A, 99B.

подобранный круп, маленькая голова, короткое туловище напоминают собой тип центральноазиатской лошади, по стилю исполнения связанный с изображениями коней в колесницах и под всадниками на шандунских барельефах Ханьского времени,¹ на китайском шелке и грекобактрийских фризах из ноинулинских курганов,² на поздних по времени изображениях лошадей на танских и сунских монетах.³

Мы начали наш анализ с сопоставления изображений диадемы с произведениями китайского искусства. Это, однако, сделано только в тех целях, чтобы показать общие корни происхождения этого искусства и стилистическое родство разбираемых изображений. Отсюда отнюдь не следует, что разбираемый предмет является произведением китайского мастерства. Подобно тому как предложенное для аналогии китайское блюдо является весьма показательным памятником влияния кочевой культуры (и не только кочевой!) на Китай, диадема является ярким свидетельством искусства кочевников, где отразились китайские традиции Ханьского времени.

Местная фауна, кочевнический головной убор на человеческой фигуре, местная ювелирная традиция (инкрустация, ажурность изображения, включенная в прямоугольную рамку) достаточно ярко указывают на самобытный характер этого уникального предмета, в создании которого был отражен ряд культурных влияний Ирана и Китая.

Изображения на диадеме имеют определенную семантику, содержат определенный круг идеологических представлений. Мы склонны видеть здесь эмблемы счастья и благополучия, символы стихий неба и земли, теснейшим образом связанные с шаманскими представлениями. Характерно отсутствие в диадеме домашних животных. Количественно здесь более всего представлены птицы, летающие звери (тигр и лошадь с крыльями, дракон) и птицеподобные люди. Вся эта тематика целиком укладывается в шаманские представления о высших божествах „неба“, в первую очередь *tänri* тюрков-кочевников, и „земли“, иногда „священных земли-воды“ — *uduq jär sub.*⁴ Если первое здесь представлено ансамблем летающих животных и фантастических символов, то второе отражено в реальных изображениях зверей и стилизованных растений. Нельзя пройти мимо верований у жителей Алтая, в которых мы найдем большое количество элементов, отраженных в изображениях диадемы. Напомним священные деревья кош-агач, многочисленные духи—*ээзи*.⁵ К предметам, долженствующим представлять растительный мир, принадлежат вырезные из тонкого золота древесные листья. Трудно решить, является ли весь инвентарь карагалинского погребения магическим апотропеем богатого кочевника или, быть может, это шаманский ритуальный убор, долженствующий показать ту серию духовных существ, в связях с которыми состоит сам шаман. В том или ином случае изображения диадемы отражают представления шаманистов о наполненности внешнего мира добрыми и злыми духами — *тэнгриями*. Не трудно видеть в изображениях диадемы эмблему среднего света якутского эпоса, *былин-олонхо*, где на ряду с *тэнгриями* столь большое значение имеет древо, связывающее корнями средний свет с нижним, а кроной с верхним светом. Якутский эпос с обильным звериным пантеоном может служить материалом для дешифровки разбираемого терратологического комплекса.⁶

¹ Ed. Chavannes. Six monuments de la sculpture chinoise. *Ars Asiatica*, II, Bruxelles et Paris, 1914, tabl. V.

² C. Trever. Excavations in the Northern Mongolia, Лгр., 1929.

³ Цзинь-ши-су, т. III.

⁴ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge. СПб., 1899.

⁵ И. Ядринцев. Об алтайцах и черневых татарах. Изв. РГО, 1881, стр. 16—17.

⁶ С. Ястремский. Образцы народной литературы якутов. Лгр., 1929, стр. 3 и сл.

Следует помнить, что этот эпос сохранил весьма древние мотивы и складывался в южных районах, всего вероятнее в Центральной Азии.¹

Выше приводились условия находки карагалинского погребения. Характерно, что оно было обнаружено там, где, вообще говоря, в Семиречье мы не знаем древних погребений. Обычно могилы знати и родовых членов общества находятся на родовых кладбищах, расположенных в виде вытянутых в цепочку курганов возле горловин горных ущелий. Эта обособленность захоронения в горном ущелье, под скалой, наводит на мысль о том, что мы здесь имеем дело с особым видом погребения, с погребением шамана. В таких местах, где было обнаружено это погребение, обычны находки предметов культового порядка и, как правило, нет небольших могильников, нет и следов поселений. Напомним места расположения наскальных изображений в горных ущельях Семиречья, кстати находящихся недалеко от карагалинского погребения. Отметим культовые места вроде обследованного нами в ущелье Чимташ в Таласской долине, а также и находки в Сазановском ущелье на северном берегу Иссык-куля. Наличие культовых мест в горах в таких же условиях, как и погребения на Карагалинке, несомненно говорит в пользу нашего предположения, что мы имеем здесь дело с погребением шамана. Не могу в этой связи не вспомнить этнографическую параллель. В. Анучин сообщает о погребениях шаманов у енисейских остяков: „Когда умирает большой с полным облачением шаман, его хоронят всегда не на общем кладбище, а где-нибудь в глухой труппе“.² К изложенному выводу приводит и анализ диадемы и всех украшений одеяния, положенных вместе с погребенным. Нельзя не вспомнить о том, что шаманы у ранних кочевников отмечаются в китайских источниках. Из многочисленных сведений о шаманстве укажем на шаманские представления у гуннов, по данным Ши Цзы и Цянь Ханьшу, почитавших предков, небо, землю и духов.³

Шаманство у среднеазиатских и алтайских кочевников существовало уже с III в. до н. э. Следовательно, мы в праве привлекать материал по шаманизму для объяснения пантеона фантастических существ на золотой диадеме из Карагалинки. В тесной связи с этой диадемой стоят и остальные находки. Все они являются, с нашей точки зрения, атрибутами богатого шаманского одеяния. Золотые пластинки имитируют древесный лист и, видимо, в большом количестве были нашиты на одежду, перстни имеют скульптурное изображение двугорбого верблюда, причем важно отметить, что это вид верблюда, характерный для Семиречья, вид так наз. *Camellus* sp. Изображения двугорбых верблюдов известны нам в Ордосской бронзе Ханьского периода,⁴ в ми-

¹ См. по этому поводу наши соображения в статье „Происхождение турок“ (ПИДО, 5—6, 1935).

² В. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. Сборн. Музея антроп. и этногр., т. II, вып. 11, стр. 33.

³ Ши Цзы, гл. 110; Цянь Ханьшу, гл. 94а. Большой интерес представляют сообщения о шаманах у племен юебань, которые согласно версии Вэйшу произошли от северных гуннов, перекочевавших на территорию Семиречья в I в. н. э. [об этом в нашей статье. „Из истории гуннов I в. до н. э. Хухань и Чжи Чжи шаньюи“ (Сов. востоковед., № 1, печ.)]. У этих племен — юебань, — как сообщает Вэйшу, были волхвы-колдуны „шу жэнь“, вызывавшие длительные дожди, сильные ветры и наводнения (Вэйшу, гл. 102, л. 8-а). Уже в начале VI в. китайские источники фиксируют термин шаман в форме „шамынь“ (Вэйшу, гл. 103, л. 7-в, 8-а), а под 518 г. Вэйшу описывает у жуань жуаней 20-летнюю женщину шаманку по имени Дэухунь Дивань (Вэйшу, гл. 103, л. 7-в, 8-а; здесь, в китайском тексте, употреблен термин „ни“, собственно обозначение буддийских монахинь, появившихся с 324 г.).

⁴ А. Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. Paris, 1933, tabl. VIII, p. 2; tabl. XX, p. 7.

нусинской курганной культуре.¹ Лежачая поза верблюда является наиболее излюбленной трактовкой данного животного. Перстни с незамкнутыми концами, плоские в сечении, аналогичны кольцу, найденному нами в катакомбах Верхнего Таласа.

Весьма характерны изображения горных козлов-теке. Они найдут себе аналогии в очень старых изображениях животных, начиная с наверхий минусинских ножей (второй этап курганной культуры) и кончая той же ордосской бронзой. Обломок золотого стерженька, круглого в сечении, с слегка загнутыми краями является, возможно, обломком фибулы, аналогии которой в полном виде имеются в бронзе из коллекции Лоо.² Несомненным атрибутом шаманского одеяния являются пуговики-бубенцы, так наз. „шаркунцы“.

Особо следует отметить вещи с инкрустациями. В одном случае это перегородчатая эмаль и инкрустированный камень, обведенный зернью, в своей композиции образующие украшения крестовидных форм. В другом случае в той же технике явная стилизация птицы. Прототипом этого второго украшения могут явиться китайские амулеты птиц, изданные Р. Pelliot,³ а также набор птицевидных украшений, имеющих весьма широкое распространение и выходящих далеко за пределы Средней Азии вплоть до Урала.⁴ Третья вещь — в той же технике — серьга, обломана, но, видимо, принадлежит к тому же типу птицевидных украшений.

Весь этот набор предметов относится к украшениям богатого шаманского одеяния. Все эти элементы одеяния находят себе аналогии, напр., в алтайском шаманстве. Напомним жертвенные изображения фигур диких баранов-кочкор,⁵ одеяние алтайского шамана, в котором не последнее место занимают перья птиц, да и само изображение птицы, в частности гуся, имеет не малое значение в религиозных представлениях алтайцев,⁶ как гагара у енисейских остяков.⁷ Мы не можем установить полной аналогии наших находок с тем или иным видом одеяния тюркского шаманства,⁸ но это объясняется тем, что, во-первых, мы не знаем подробного описания древнего шаманства, а пользуемся материалом более позднего периода (XIX в.), претерпевшего уже известные модификации; во-вторых, мы имеем дело с культурным влиянием китайского искусства.

Использованные нами аналогии и анализ вещей заставили нас обратиться к памятникам „сарматского“ искусства. Зернь и инкрустация, ажурная техника, терратологическая композиция в растительном орнаменте, при явной измельченности форм, несвойственны скифскому искус-

¹ С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Матер. по этногр., т. IV, вып. 2, Лгр., 1929, стр. 53.

² A. Salmony, ук. соч., табл. 52, 8 и 9.

³ P. Pelliot. Sceaux-amulettes de bronze avec croix et colombes provenant de la Boucle du Fleuve Jaune. Paris, 1931, табл. V и VI.

⁴ А. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сборн. МАЭ, т. VI. — Он же. Einige Motive der prähistorischen Kunst Transuraliens. Artibus Asiae, 1930, № 1.

⁵ И. Ядринцев, ук. соч., стр. 19.

⁶ В. Верблицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 46 и сл.

В. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. Сборн. Музея антроп. и этногр., т. II, вып. 2. Ср. в этой работе указание на существенное значение короны и налобника шамана, которым может являться наша диадема. Анучин сообщает, что „...налобник, как и корона, — очень существенный атрибут, без которого нельзя шаманить“, и далее: „Шаманы утверждают, что по головным уборам небесные духи различают национальность шаманов“ (стр. 36—37).

⁸ Однако в подобных описаниях одеяния алтайского или якутского шамана мы найдем очень много аналогий. Ср.: В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Сборн. Музея антроп. и этногр., т. IV, вып. 2, стр. 33 и сл. См. также: В. Серошевский. Якуты. СПб., 1896, стр. 646 и сл.

ству. Идентичность изображений на диадеме с фризами блюда Ханьского времени и мелких предметов (перстни) с ордосской бронзой того же времени, инкрустированных украшений с орнаментальными мотивами рубежа нашей эры позволяет датировать карагалинскую находку I в. до н. э. — I—II вв. н. э. Возможно, что эти вещи ближе к I в. н. э., о чем свидетельствует симметрия инкрустированных предметов и их связанность с более поздними вещами, так наз. варварского стиля. Следует учесть, что в карагалинской диадеме мы имеем уже композицию, состоящую из камня и драгоценного металла. Мы имеем здесь значительное число изображений птиц, опять же в той трактовке, которую можно наблюдать в предметах того же варварского искусства.

Все эти явления дают нам основание сузить возможную датировку (I в. до н. э. — II в. н. э.) и считать I в., может быть II в, наиболее вероятной датой. Следует вспомнить, что для Семиречья, где находки этого времени единичны и доселе были весьма невыразительны, настоящая коллекция имеет весьма большое историко-культурное значение, выходящее далеко за пределы Семиречья и ставящее карагалинские находки в ряд лучших мировых образцов культуры.

А. Н. Бернштам

ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

(Сектор дофеодальной и феодальной Восточной Европы, 21 V 1939)

Культурный слой позднесредневекового Херсонеса (XIII—XIV вв.) сохранился большей частью хорошо и потому дает несравненную по яркости картину жизни города того времени. Материал накопился уже не малый, однако исследованию он еще почти не подвергался. Между тем, жилой дом, вернее — жилой комплекс помещений и связанный с ним производственный и бытовой инвентарь, является основным источником для изучения позднесредневекового Херсонеса.

В основу исследования нами положен материал раскопок Р. Х. Лепера 1908—1912 гг. в северо-восточной части городища, именно кварталы I, II и III, сохранившиеся почти целиком;¹ к ним привлечены еще неизданные материалы раскопок Г. Д. Белова 1931—1933 гг. в северной прибрежной части, которые особенно ясно выявили характерные черты планировки позднесредневекового жилого дома. Последний, как правило, состоял из нескольких, не менее трех, помещений: 1) жилого (одного или двух), 2) кладовой, помещавшейся в большинстве случаев в нижнем этаже дома, причем концы брусьев ее деревянного перекрытия опирались на добавочные стенки, так что стены кладовой оказывались как бы двойными, 3) двора, по размерам превышающего остальные помещения. В углу двора часто выделялось небольшое помещение, служившее, как показали раскопки, местом хранения производственного и бытового инвентаря.

Назначение помещений хорошо определялось найденным в них археологическим материалом. Так, наличие большого количества посуды (амфор и пифосов) с остатками зерна, рыбы и пр. в подвальном помещении ясно указывало на назначение его быть кладовой. На жилое назначение помещения указывали очаги и печи, расположенные обычно в его углу. Двор легко выделялся по отсутствию находок кровельной черепицы: двор был открытым.

¹ Отчетов об этих раскопках нет. Дневники раскопок и планы изданы в „Херсонесском сборнике“, вып. III, Севастополь, 1931.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

1946

Ленинград

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В СЕМИРЕЧЬЕ

В 1933 г. нами была проведена предварительная рекогносцировка по долинам рек Чу и Талас¹, в значительной степени определившая путь планомерного археологического обследования Семиречья в 1936—1941 гг.

С 1936 по 1940 г. на территории Киргизии и Казахстана, преимущественно в междуречьях рек Таласа, Чу и Или, были проведены большие археологические обследования, вскрывшие отложения культур кочевых скотоводческих и оседлых земледельческих племен на протяжении почти четырех тысяч лет — от эпохи бронзы до XIX в.² За эти годы раскапывались десятки городищ и стоянок, среди них древние города: Тараз (Джамбул в Казахстане), Сарыг и Баласагун (Чуйская долина в Киргизии), Койлык (в бассейне Или) и ряд других более мелких. По Таласу — древние города Текабкет, Сусы, Куль и Шельджи; по Чу — г. Якакент; в Илийском бассейне — Талгарское городище, а также сотни курганов кочевников различных эпох, среди которых особое место занимает Кенкольский могильник, связанный с эпохой движения гуннов³. Завершающей работой явился значительный сбор археологического материала при строительстве Большого Чуйского канала в 1941 г., трасса которого прошла по объектам исключительной археологической важности⁴, давшим тысячи интереснейших памятников, составивших ядро коллекций историко-археологического отдела Краеведческого музея, открытого в г. Фрунзе 8 ноября 1941 г. (ныне Музея истории национальной культуры киргизского народа Киргизского филиала Академии Наук СССР)⁵.

В результате работ экспедиции в 1938 г.⁶ в г. Джамбуле Управле-

¹ См. предварительный отчет: Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 6.

² См. наши работы: Археологические работы в Казахстане и Киргизии, ВДИ, 1939, № 4, стр. 169; ср. журн. «Наука и жизнь», 1940, № 3; Археологические работы в Семиречье, КС ИИМК, IV; Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941; Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

³ См. нашу работу «Кенкольский могильник», Л., 1940, изд. Гос. Эрмитажа.

⁴ Бернштам А. Н. Историко-материальное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943 (там же см. указание на отчеты об этих работах в периодической печати).

⁵ См. Путеводитель по историко-археологическому отделу под общей редакцией А. Н. Бернштама, Фрунзе, 1943.

⁶ В работах экспедиции принимали участие при общем руководстве Института истории материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра АН СССР (нач. экспедиции А. Н. Бернштам) Казахстанский филиал АН СССР, Комитет наук при СНК Кирг. ССР, Управление заповедниками при СНК Каз. ССР, Гос. Эрмитаж, Кирг. Педагог. институт.

нием по охране памятников и заповедников при СНК КазССР был открыт археологический пункт, ведущий стационарную археологическую работу в Южном Казахстане, а при нем Археологический музей. Археологические коллекции также представлены в Центральном музее Казахстана (Алма-Ата), в Государственном Эрмитаже (Ленинград).

Предварительные сообщения об этой работе делались в вышеуказанных специальных отчетах; они отмечались в общих обзорах об археологических работах в СССР как в советских¹, так и в зарубежных изданиях². Собранные материалы легли в основу наших специальных изысканий³ и очерков научно-популярного характера⁴.

Наряду с этим не лишне подвести научный итог, следуя основным историческим этапам, которые характеризуют материалы раскопок в Семиречье — в районе, который до недавнего прошлого оставался «белым пятном» на археологической карте Советского Союза. Естественно, что размеры статьи позволят этот итог сформулировать лишь в предельно сжатом виде.

Открытые экспедицией памятники эпохи бронзы (Каргалы I, Алма-Атинской области Казахской ССР; Каинды, Фрунзенской области; Киргизской ССР) показали, что в Семиречье наряду с типичными чертами южносибирской бронзы, достигшей здесь юго-восточного предела своего распространения, получили отражение западные влияния. Об этом свидетельствует вислообушный топор — для эпохи бронзы, наконечники копья ананьинского типа — для эпохи скифсв, а особый вид лопатообразных кельтов, не имеющих себе аналогий среди известных нам кельтов на территории СССР, отчасти напоминающий «*Neue op ziede chaigue*» из Юннани (опубликованный Olove Janse)⁵, дает возможность в пределах Семиречья выделить северо-киргизский вариант культуры эпохи средней бронзы. Чу-Илийское междуречье представляется пока главным центром распространения памятников эпохи бронзы. Топография поселений и характер культурных отложений свидетельствуют о сезонных перекочевках пастухов-скотоводов, которые наряду с интенсивным скотоводством (на что указывает находка серпов, которыми производилось сенокосение) занимались охотой и рыболовством. В культуре эпохи бронзы заметно влияние Китая, о чем свидетельствует коленчатый нож чжоусского типа (Нарын, Тяньшань) и особый тип серпов (Узунгач, Алма-Атинская обл.)

В поздних памятниках эпохи бронзы (Каргалы I) намечается формирование культуры кочевников Семиречья, не исчезающей до VIII в. н. э., что особенно ярко сказывается в керамике. В этой культуре кочевников — чем позже, тем ярче — выступают минусинские и алтайские влияния, по существу придающие культуре кочевников Семиречья частный, *западный* вариант культуры южносибирского круга памятников.

Индивидуальной особенностью памятников скифской эпохи (точнее — сакской) является широкое распространение комплексов светиль-

¹ ВДИ, № 2, 1940; Двадцать пять лет советской исторической науки, М., 1942, стр. 74 сл.

² *Ars Islamica*, IV, 1937; *Antiquary*, 1940, декабрь.

³ Подготовлен к печати первый том истории киргизского народа и Киргизстана (с древнейших времен до монгольского завоевания).

⁴ Историческое прошлое киргизского народа, Фрунзе, 1942; Культура древнего Киргизстана, Фрунзе, 1942; то же на кирг. языке (Фрунзе, 1943); ср. также журн. на кирг. языке «Советский Кыргызстан», 1942, № 7—8; 1943, № 3 и 4; газета «Советская Киргизия» от 21/V, 4/VI, 12/VI, 22/VI 1941; II/IV, 30/VI, 4/VII, 27/VII, 18/VIII 1943.

⁵ Olove Janse. Un groupe des bronzes anciennes propres à l'Extrême Asie Méridionale, MEA, Bulletin II. 1930, стр. 136—137.

ников, жертвенных столов и котлов для изготовления ритуальной гонимости; комплекс этот повторяется в ритуальных предметах Чжоусского Китая типа «дин» и «фу»¹ и порожден был культом огня кочевников саков, позднее сочетавших эти шаманистские ритуалы с зороастрийским мировоззрением.

Упомянутые культовые предметы, наряду с реалистически выполненной бронзовой скульптурой в стиле типичных скифских изображений борьбы зверей, имеют иногда скульптурную (барельефную) декорировку в виде фантастических животных, встречаемую здесь же, в Семиречье, и позднее — в V—VII вв., а также в коропластике Китая эпохи Хань, особенно ярко представленную в статуэтке из собрания Osvald Sirén².

Сакская культура Семиречья, выросшая на основе предшествующей культуры эпохи бронзы, в свою очередь легла в основу культуры, известной под именем усуньской (III в. до н. э. — I в. н. э.). Непрерывность линии развития культур этих трех стадий (бронза, культура саков и культура усуней), прослеженная нами по археологическим памятникам, заставила пересмотреть традиционные представления об эмиграции усуней из Восточного Туркестана и в согласии с Hundson³ на новых основаниях выдвинуть гипотезу о тождестве усуней с исседонами, как частью Сакского союза племен, жившими на Тянь-шане, в III веке ставшими политическим гегемоном на этой территории и известными в китайской транскрипции под этнонимом усунь.

Памятники эпохи саков и усуней, раскапывавшиеся нами в многочисленных районах Семиречья от Таласа до Или, дали ряд локальных вариантов и несколько хронологических групп⁴. Эти сако-усуньские памятники Семиречья делятся на следующие четыре группы:

1. Карачако (р. Или) и Чуйские курганы V—IV вв. до н. э. Датируются стрелами скифского типа и наременными бляхами.

2. Берккара I (хребет Каратау) и Нарынские курганы IV—III вв. до н. э. Датируются бронзовой пряжкой с изображением льва, глотающего птицу (гуся?), а также пряжками без язычка.

3. Берккара II и Усуньские курганы, раскопанные М. В. Воеводским и М. П. Грязновым в долине рек Чу и Каракола (Иссык-Куль) II в. до н. э. — I в. н. э. Датируются инвентарем сарматского типа, в частности ажурными серьгами с зернью и бусами.

4. Карачоко II, Каргалы II (р. Или) I в. до н. э. — II в. н. э. Этому времени принадлежит выдающееся произведение искусства Семиречья — золотая диадема из Каргалинского ущелья. Вместе с диадемой было найдено еще 410 золотых предметов, служивших украшением платья молодой шаманки, погребенной в ущелье⁵.

Каргалинская диадема, находящая себе — и по сюжету и по стилю — аналогию в инкрустированном китайском блюде эпохи Хань (коллекции Лоо), семантически и функционально входит в круг шаманской

¹ В. Kargrenn. Jin and Chou in Chinese Bronzes, MEA, Bulletin 8.

² Osvald Sirén. Histoire des Arts anciens de la Chine, III — La sculpture de l'époque Han à l'époque Ming, Paris — Bruxelles, 1930, табл. 25, р. А.

³ G. F. Hundson. Europe and China. A Survey of their Relations from the earliest times to 1800, London, 1931, стр. 40—42.

⁴ Об этом мной прочитан доклад на тему «Древнейшие тюркские элементы в этногенезе народов Средней Азии» (на конференции по этногенезу в августе 1942 г. в Ташкенте).

⁵ См. нашу статью Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке, КС ИИМК, V. Вещи находятся в Алма-Ата, в Центральном музее Казахстана.

атрибуции, разъясненной в статье С. Hentze по материалам из раскопок в Корее¹, произведенных Kosaku Hamada и Sueji Umchara².

Весь этот хронологический ряд связан единством керамики, отчасти погребального ритуала, а также преемственностью форм и сюжетов в памятниках материальной культуры.

Эту закономерную линию развития нарушают могильники, связанные с вторжением на Тянь-шань гуннских завоевателей середины I в. до н. э., именно северных гуннов, во главе с Чжичжи Шаньюем³. Они усилили на Тянь-шане влияние китайской культуры и положили начало интенсивному процессу в области монголоидного расогенеза и сложения типичных черт тюркской кочевой культуры, донесенной до наших дней в этнографических материалах киргиз, казахов и других народов Средней Азии. Памятником этой эпохи являются курганы кенкольского могильника⁴ (Киргизия, р. Талас, правый приток р. Кенкол), давшие уникальной сохранности шелковые ткани и богатый инвентарь, интереснейший палеоантропологический и не менее интересный палеоботанический материал⁵ (кстати сказать, здесь встречена древнейшая форма кольцевой деформации черепа⁶).

В VI—VIII вв. — в период господства тюрков, т. е. западных тюрков (582—704) и тюркшей (704—766), лицо Семиречья сильно изменилось вследствие эмиграции в эти районы согдийцев, переселившихся из района Зеравшана, известных в Семиречье уже с V в. н. э.⁷. Эмиграция эта особенно усилилась после вторжения арабов в Среднюю Азию с середины VII в. Носители идей Авесты и зороастрийского культа, предприимчивые купцы, прекрасные земледельцы и искусные ремесленники — они воздвигли в своих колониях фундаментальные укрепленные дома (кешки), лучше всего исследованные нами в районе с. Красная речка (долина Чу, 30 км к востоку от Фрунзе), на базе которых возникли впоследствии города мавераннахрского типа (по Таласу и Чу), типа г. Сарыг и Баласагун (Чу в Киргизии) и Тараз (р. Талас в Казахстане). Подобно тому, как гебры в Иране и парсы в Индии, согдийцы в Семиречье были носителями идей зороастризма и иранской культуры, сочетая предписания Авесты с шамамистскими воззрениями тюрков. Так родились шаманистско-зороастрийские атрибуции культа огня, исследованные нами по Сукулукским находкам. Среди них мы встречаем фантастические фигурки животных и их стилизации, подобные отмеченным выше на сакской бронзе: охраняя вечный огонь, мерцающий в аташданах⁸, они поддерживали крышки над пламенем светильника. Крышки эти чаще всего были украшены изображениями барана или таутеке (горного козла) вместо обычных — собаки или пти-

¹ С. Hentze. Schamanenkronen zur Hanzeit in Korea, OZ, Heft 5, 1933.

² См. Японские издания Kosaku Hamada и Sueji Umchara. A royal tombe «Kinkap Tsuka» or the gold Crown tomb at Keishu and its treasures, Chosen, 1924—1927 (имеется в библиотеке Гос. Эрмитажа).

³ См. А. Н. Бернштам. Хуханье и Чжичжи Шаньюю. Из истории гуннов I в. до н. э. Советское востоковедение. I, 1941.

⁴ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник (в серии Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. II), Л., 1940.

⁵ В. А. Петров. Некоторые проблемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок. КС ИИМК, VI, 1940.

⁶ Е. Жиров. Об искусственной деформации головы, КС ИИМК, VIII.

⁷ См. А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья, КС ИИМК, VI, 1940.

⁸ Адекватных либо сакским светильникам с Иссык-куля, либо аташданам, воспроизведенным на сасанидских монетах; см. К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет, ТОВ, II.

цы. В свете Авесты, Бундахишна, и в свете ранних произведений пехлевийской литературы типа Аик-Намэ и мусульманских изводов IX в. (как, например, у Джахиза) ¹ становится понятен весь этот комплекс с богатой и семантически ясной орнаментацией, где собака и птица, подобно авестийским собаке и петуху, защищая негаснущий огонь, помогают бороться Сраошу с демонами ночи, и где баран и таутеке, видимо, являются семиреченским вариантом авестийских представлений, ибо Авеста, по словам Geiger, «была составлена главным образом для оседлого населения» ².

Богатое собрание глиняных изделий и терракот этого времени, происходящее в основном из городища на р. Сукулук, дает представление об авестийском и иранском пантеоне. Здесь встречен и Гопатшах ³ и Захак ⁴, здесь найден пирей для огня — аташгах и сосуд в виде мифического космогонического существа «химар» — сосуд, находящий себе лучшую аналогию, как это ни странно на первый взгляд, в микенском ритоне XIII в. до н. э. ⁵. Все это указывает на далеко ведущие на запад связи Семиречья того времени. Говоря об этих западных связях, укажем на находки варварских подражаний восточному римскому солиду V в. ⁶, брактеатов с варварских подражаний византийским монетам императоров Ираклия (611—629) и Константина Погоната (641—668) ⁷, и на широкое распространение в резной кости орнамента и технических приемов обработки кости, типичных для коптского искусства IV—VI вв. ⁸.

Эти явления были обязаны своим существованием не только согдийцам, принесшим сюда сасанидский орнаментальный круг, обнаруженный нами в достархане из Баласагуна, в облицовочной плитке из Сукулука (где он сочетается с лотосом — мотивом, известным на тканях из тюркских погребений Алтая и Монголии), принесшим и геральдических фазанов на аташдане из Сукулука и модифицированный в кибиткообразный оссуарий — астодан Согдианы; в значительной мере эти западные связи идут и от манихейцев-сирийцев, имена которых известны по нашим эпиграфическим находкам из Тараза и Сарыга. прочитанных покойным А. Я. Борисовым.

С ними связано развитие согдийского письма, первого буквенного письма Семиречья, приспособленного тюрками, точнее, быть может, тюргешами, для своего языка и нашедшего распространение не только в виде надписей на сосудах (находки у с. Лебединовка, Красная Речка), но прежде всего на монетах ⁹, обогативших нас новыми сериями восточной нумизматики.

Не менее чем западное влияние, шедшее из Согдианы, Ирана, Се-

¹ См. Grundriss der iranischen Philologie, II. Strasbourg 1896—1904 (статьи E. W. West u. H. Ethé). См. также серию The Sacred Books of the East, т. V и XVIII, а также К. Иностранцев. Сасанидские этюды, СПб., 1909. Его же. Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии, ЗВО, т. XVIII.

² Geiger. Ostiranische Kultur in Alterthum, стр. 344—345.

³ К. Тревер. Гопатшах, пастух-царь, ТОВ, II.

⁴ Н. Дьяконова. Терражотовая фигурка Захака, ТОВ, III.

⁵ Claude F. A. Schaefer. Les fouilles de Ras-Shamra-Ugarit, septième campagne (1935) Syria, XVII, 1936, табл. XVII.

⁶ Определение А. Н. Зорфа.

⁷ Определение Л. А. Мацулевича.

⁸ В этом убеждает сравнение вещей, происходящих из тюркских могильников и городищ этого времени в Семиречье, с вещами, воспроизведенными O. Wulff в его Altchristliche und Mittelalterl. byzantinische und italienische Bildwerke, I, Berlin, 1909, табл. XXI, XXII, XXIII.

⁹ См. А. Н. Бернштам. Тюркские монеты, ТОВ, II.

верной Индии и Византии, имело значение влияние Китая, о чем сгигнализировали наши раскопки, особенно в отношении буддийских памятников, доселе вообще мало известных и обычно приписываемых джунгарам (XVI—XVIII вв.).

По находкам Сукулука мы можем ясно выделить ранние формы буддийской пластики, происходящей из Гандары и лучше всего сохранившейся в Вэйской скульптуре Китая; в наших находках она представлена апотропеем — головой бодисатвы под ручкой сосуда, типичного для VI—VII вв. (так называемого кафыркалинского типа); в идеально трактованной голове бодисатвы (что, по Foucher, особенно характерно для Гандары) чувствуется Вэйская традиция; голова увенчана диадемой, лучшей аналогией которой могут служить диадемы на фресках Кизила (оазис Куча), изданных Грюнведем¹.

Прекрасные памятники буддизма открыты нами в районе древнего города Джуль (в 10 км к западу от Фрунзе) в буддийской сангараме IX в., где найдены фрагменты Ваджрапани и шакья и других атрибутов буддизма. Сюда примыкает ручка от сосуда из Сарыга с изображением женщины с поднятой рукой, типа буддийской феи Нагини, и сосуд из Александровского городища с фигурками в позе анжала; по деталям костюма эти фигурки находят себе аналогии в известных изображениях ступы из Санчи, в буддийских изображениях Китая и в мелкой и монументальной китайской пластике, особенно полно представленной в сводной монографии упомянутого Osvald Sirén. Росписи глиняных фигур, обнаруженных нами в сангараме Джуля, принадлежат турфанскому типу Уйгурского периода², в то время как в домашней чайты из Сарыга, в манчжурских астрах, нарисованных техникой *al secco*, сильнее ощущается манера манихейской росписи из Ходжо³ или росписи Бамиана в Афганистане⁴.

В заключение отметим, что собственно тюркская культура Семиречья сохраняла в себе и черты енисейско-алтайской культуры (особенно последней); в этом убеждает прежде всего манера обработки украшений из бронзы для платья, оружия и сбруи, иногда покрытых листовым червонным золотом; на это указывает и кыргызская палеография надгробных стел Таласа, а керамика находит себе аналогии и в близких районах, например в Ташкентском оазисе и Фергане, и в таких далеких, как Паннония, особенно керамика баночной формы⁵.

В свете приведенных данных с несомненностью выступает синкретический характер культуры Семиречья VI—VIII вв. Культура тюркских кочевников вошла в тесное взаимоотношение с культурой обитателей согдийских колоний.

На эти основные явления культуры в свою очередь оказали влияние культуры тех стран и областей, с которыми входили в соприкосновение тюрки. Этим объясняется тот факт, что здесь, в Семиречье, сказались влияния Византии, Индии и Ирана, Согда и Ферганы, Шаша и Южной Сибири, Восточного Туркестана и Китая. Все это подверг-

¹ Al. Grünvedel. *Alt-Kutscha*, Berlin, 1920, см. табл. III—IV, 1—2.

² По тону они напоминают раскраску лица и тела лепных глиняных фигур из Шорчука VII—VIII вв. См. A. van Le Qoq. *Die buddhistische Spätantiken in Mittelasien. Die Plastik*, Berlin, 1922, стр. 36.

³ См. A. van Le Qoq. *Die buddhistische Spätantiken in Mittelasien, Die manlehae'schen Miniaturen*, Berlin, 1923, табл. 5.

⁴ J. Hackin et J. Carl. *Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan*, MDAFA, III, Paris, 1933, ср. табл. XIII.

⁵ См., например, Tibor Horvath. *Die avarischen Gräberfelder von Ullö und Kiskörös*, *Archeologia Hungarica*, XIX, Budapest, табл. XIX.

лось сильной переработке, в процессе которой создавалось новое качество, культура особого типа. Семиречье в VI—VIII вв. функционально исполняло роль «Византии Востока», синтезируя культуры Центральной и Средней Азии, Дальнего и Ближнего Востока¹.

Карлукский период VIII—X вв. (766—940) принес в Семиречье существенные перемены: усилилась оседлость, начали нарождаться города, появилась более органическая связь тюркских кочевников с оседлым населением, наступила стабилизация караванных путей, возникли рибаты, завершилось оформление шахристана, возник рабад. На Таласе, в г. Таразе ощущалось сильное влияние Мавераннахра, увеличился согдийский экспорт глазурованной керамики, а на Чу и Или, отделенных от Таласа кочевьями карлуков Кульшуб и Касрибас, наблюдалась отсталость и провинциализм, не говоря уже о центральном Тянь-шане, среднем и нижнем течении Или и ее притоков. Настойчиво сказывался Иран и традиции Самарры в декорировке внутренних помещений жилых домов (г. Сарыг); в искусстве победил орнаментализм, развивались согдийские традиции, под влиянием которых перерабатывались эстетические вкусы тюрок, что особенно ярко сказалось в орнаментации глиняных изделий. Семиречье не знало саманидской монеты. Саманидский диргем (по определению М. Е. Масона) встречен лишь однажды, и то как височное украшение. В ходу была медная тюркешская монета, свидетельствующая о господстве в основном натурального обмена и слабой развитости товаро-денежных отношений при больших сделках. Разнообразие форм и техники посуды и конкуренция ручной лепки с гончарным кругом — уже одно говорит о все еще сохранявшемся значении домашнего ремесла.

Картина резко меняется к концу X в. при сложении в Семиречьи караханидской династии. Город к этому времени приобретает все свои типические черты и по долине Чу. В бассейне Или и на Тянь-шане возникают города караханидского типа, также четырехугольные в плане, ориентированные углами (а не сторонами, как прежде) по странам света, но без цитадели. Ремесленник завоевывает господство, что ярче всего проявилось в строгих, серийных формах станковой посуды — поливной и неполивной, в орнаменте штампом, в росписи и резьбе по трафарету, в клеймах мастеров. Город наполнился монументальной архитектурой², был оснащен водопроводом (обнаружен нами в Таразе, Текабкете и в ряде других пунктов)³, замощен, приобрел четкую социальную физиономию. В Чуйской долине возникли собственные центры производства глазурованной керамики, где традиции свободомыслия в росписях посуды оказались более живучи, чем в каком-либо другом районе Средней Азии; реализм в изображении птицы и медведя, человека и лягушки здесь несравненно выше, чем в керамике Самарканда и Бухары, Фостата и Рея.

В эту эпоху является характерным распространение и развитие оседлой жизни в глубинных районах, появление новых торговых путей, уже неоднократно нами отмеченных. Многочисленные наши разъезды по этой стране позволили найти и отождествить с названиями глав-

¹ На синкретический характер византийской культуры и на ее значение культурного рубежа Запада и Востока указывало много авторов (см. об этом, например, D. Talbot Rice. *Byzantine Art*, Oxford, 1935). Аналогична и кушанская культура Индии, что в свое время уже отмечал, например, J. Kennedy. *The secret of Kan'ishka*, IKAS, июль, 1912, стр. 1005 сл.

² См., например, нашу статью — Бая древнего тараза ТОВ, II.

³ См. нашу статью — Строительные приемы древних зодчих и использование их опыта в современной практике. Труды Киргизского филиала АН СССР, т. I, вып. 1, 1943.

ным образом мусульманской географической литературы десятки городов и селений. Характерной чертой этой эпохи является наиболее органичное включение Семиречья в среднеазиатскую общность, но вместе с тем и сохранение в Семиречье (меньше всего по Таласу, больше по Чу и особенно сильно на Тянь-шане и в бассейне Или) — в разной степени и в различных проявлениях — черт самобытности и явлений архаизма и пережитков глубокой (даже для XII в.) древности.

Памятники материальной культуры XI—XII вв. в Семиречье, открытые нашими экспедициями, помогли понять подлинный характер караханидского государства — не столько выяснить до сих пор неясную (несмотря на обилие нумизматических находок) генеалогию династии, сколько социально-экономическую и культурную жизнь государства.

Важнейшим результатом экспедиций является обнаружение каракитайской культуры в столице каракитаев (на месте бывшей столицы караханидов) в г. Баласагуне и в двух других пунктах Чуйской долины (дома у с. Ворошиловское, поселение гончаров и могильник у с. Александровское). В ней ясно проявился синкретизм китайско-буддийской культуры со среднеазиатской. Хэнаньского типа скульптура, восходящая к Вэйским стелам будды (нами найдены фрагменты таких стел с изображением будды, бодисатв, мифических существ «фо» и т. д.), сочетается здесь с глиняными статуями, ближайшими аналогиями которым встречены в Миране. Караханидская керамика лежит вместе с селадомом, керамикой типа, известного по Харахото, фарфором с кракля типа тин-яо. Китайские монеты еще времени Кайюань (713—742) обнаруживались здесь вместе с караханидскими дирхемами, а кровельная черепица типа находок из Фурдучэна украшалась здесь налепами по китайскому образцу, орнамент которых представлял собою не обычную маску тао-тье, а сасанидский круг с лотосом посередине. Уйгурским шрифтом и на санскрите писались здесь непонятные нам, хотя и хорошо читаемые слова, являющиеся, быть может, первыми свидетельствами каракитайского языка. Здесь, наконец, вместе с местной грубой неполивной керамикой были обнаружены изящно обработанный нефрит и тонко сделанное из глины изображение ветки дерева, в которой ботаник И. В. Выходцев определил священное для буддистов ныне реликтовое дерево *Hinkia biloba*. Многочисленные находки каракитайских памятников являются пока единственными; они представлены в Музее национальной культуры Киргизского филиала АН СССР.

Памятников времени после монгольского завоевания и разрушения монголами городов Семиречья экспедиции, естественно, мало удалось открыть. Но в тех центрах, где жизнь существовала и при монголах, например в Таразе, или в тех поселениях, которые были восстановлены Тимуром (города Ашпара, Шельджи), экспедиции удалось обнаружить большой нумизматический материал, особенно монет Шахруха, местную керамику, а вместе с ней китайскую (например, сосуд типа яо), выяснить структуру городов, а на обрывистом гребне надпойменной террасы р. Кызыл-Су в районе Кенбулуны было обнаружено тимуридское кладбище воинов, быть может, свидетелей кровавой битвы тимуридов с моголистанцами в конце XIV в. на берегах Сурхоба (иранское название Кызыл-су) или, быть может, похода Улугбека 1425 г.

Не обойдены были вниманием и памятники джунгар и более поздние, вплоть до мазаров XIX в., в которых особенно привлекала фрес-

ковая роспись, подкупающая художественной простотой графического рисунка¹.

Таковы в самых общих чертах и самые существенные предварительные итоги экспедиций, которые мы провели в Семиречье. Благодаря главным образом археологическим памятникам мы получили теперь возможность четырехтысячелетнюю историю Семиречья рассматривать по этапам, охарактеризовать его культуру и искусство, раскрыть в ряде случаев внутреннюю жизнь племен и народов и их социально-экономические отношения. В результате проведенных обследований многое теперь стало понятным. Не мало удалось исправить и уточнить в прежних представлениях, сложившихся в литературе, особенно по исторической топографии².

На очереди стоят работы по хронологически более ранним эпохам, территориальное расширение работ по Тянь-шаню с выходом на Фергану — с одной стороны, и по Чу до стыка с Сыр-дарьей — с другой, а также от Или к Западному Алтаю. Для выяснения культурной роли Семиречья, пожалуй, наиболее актуально сейчас изучение Северо-Таримских памятников, которые в свете проведенных работ в Семиречье могут раскрыть много нового как для истории Восточного Туркестана, так и для истории нашей страны в целом.

А. Н. Бернштам

---

¹ Предварительное описание ее дано участником экспедиции 1936 г. А. И. Тереножкиным в журн. «Искусство», 1938, № 2, стр. 159—162.

² См. нашу статью — Историческая топография Чуйской долины. ВДИ, 1940, № 2, стр. 191 сл., а также специальную главу в Археологическом очерке Северной Киргизии.